

НЕПОВТОРИМОСТЬ ПУТИ

Повесть В. Г. Галактионовой «Зона ветров» (2018) еще станет сердечным смыслом, счастливым объектом и критических трудов, и научных изысканий. Достойно осмысления многое: стремительно-глубинный сюжет; нравственная высота и достоверность; беспощадная пластика «Зоны...»; неотразимая притягательность Личностей – к примеру, Евдокии, Жены редактора, нашей современницы, по образной судьбе, укорененной в веках, неотразимо влечет все цельное духовное звучание повести.

Сейчас – лишь об одной героине: равных не было прежде у блистательного автора, но этот персонаж, старуха Великая Анна, притом – в ряду самых поразительно-светлых в русской литературе. Включая великих стариков В. Г. Распутина и их предшественников. А еще – бесстрашного деда в Галактионовских «Спящих от печали», того, кто одолевает внука, накачанного подонка. (Вслед за мудрецами повторим, чуть вольничая: старость не только юность мудрости, но и расцвет светлой силы. И в новой повести голоса столь сокровенны, точны, неприкосновенны, что правомерно лишь сравнение их с прежними, с иными, а никак не аналитическое вмешательство, не разъем емких смыслов...).

Дар спасти многих и от многого, причем без насилия, ниспослан именно Великой Анне. Распутинская Анна сама нуждается в защите. Толстовские Марья Ахросимова, княгиня Мягкая, даже Праско-

вья Михайловна-Пашенька («Война и мир», «Анна Каренина», «Отец Сергей»), Чеховская Мария Тимофеевна, мать архиерея Петра («Архиерей») – все по-православному, по-человечески чисты, но как спасители ни для кого не судьбоносны. В романе Веры Галактионовой «На острове Буяне» речет истины безымянная Старуха, увлекает земляков историей Иоанна Крестителя (как захватывает ее рассказ, не оторваться, и люди не просто слушают – внимают, вживаются, живут судьбой святого!). А вот к спасению судеб она в романном пространстве не призвана. Несложно ее представить в таком призвании; но то, что не представлена, – значимо; для доли Спасителя ждут Другую, Другого. А Великая Мати у Ю. П. Кузнецова, созвучная Галактионовской Анне, радикально одинока: «...Седая старуха, Великая Мати, одна среди мира в натопленной хате сидит за столом». Каждая чем-то прекрасна, но художественный закон не отмерил им Смысл Спасителя.

Великая Анна, взыскующая истину, не такова: всегда с людьми, к ней тянутся с невыразимыми, не-реальными надеждами. Тепло обретают от ее голоса души. И от ее забот – жилище, пускай нетопленное... Будь то кулундинская степь или родной вологодский край, куда она возвращается со спасенными ею... То и другое – метафоры Отечества.

Кулундинский райцентр, как пространство «Зоны ветров», явлен прежде всего редакцией рай-онки наших дней, средоточием борьбы истин и бевсовщины. Автор как никто в современной литерату-

ре знает этот (анти)мир. Здесь новый, присланный из города молодой главред, лицемер Завьялов, с сынишкой и беременной женой Евдокией, в прошлом искусствоведе. Здесь «литсотрудница» энергичная упыриха Людка. Впрочем, чаще именуют ее Блудница, и заглавная буква тут снижает куда более, чем строчная. (А имя Людка неразрывно с людоедкой в ткани текста, но это особая тема). Известная разрушительница семей, Блудница становится Завьялову «замшей» — и не только... Как замглавреда дьяволица вредит всемерно, разрушая творческие силы. А в противовес упырям — те рабочие лошадки, на которых держится районка, включая корректора, шофера. И всеобщий любимец (до поры) талантливый фотокор, чистая душа Шулебин. Великая Анна, его мать, к редакции отношения не имеет.

Судьба Анны неповторима и обычна. Отец, репрессированный священник, в свое время выжил и вернулся на вологодскую Родину после лагерей, к храму, который разрушен. В финале повести рыбак-вологжанин отвечает Анне на невысказанный вопрос об отце: «Видно, сильно ему надо было — сюда вернуться... Вон он, дом ваш, поповский, большой!» (Эту укорененность можно слышать и прежде и сейчас: «Попово поле, Дьяконов ручей, Пономарева улочка улеса...») — пишет о том сегодня иной гений русской литературы, вологжанка Ольга Фокина).

Дочь священника, Анна, росла в детдоме. Муж ее... Впрочем, верен голос самой Анны Великой: «Меня с войны советский солдат Шулебин сюда привез, красноармеец. Он, Шулебин мой, помер белокровием, потому что из белых был. И захворал от несовпадения в жизни... А я вот руку на току здесь повредила. Из-за конвейера без кисти осталась. По-выше запястья мне ее отхватило. Рассеянная после мужниной смерти стала, худая с тех пор. Но я все сама по дому делаю. ... тут обзывают меня Анной Великой. Дразнят, потому что рост мой — самый длинный в поселке. ...в детдоме среди нас великих не

было... Тут у них Анна Малая есть, еще — Анна Черная, Анна Большая. И я, Великая, может, для различия». Сын, талантливый фотохудожник, в наши почти дни, в армии облучен радиацией; жизнь дара коротка (И вечна?).

Анна взыскует правды и в «пустяках»; оттого голос ее так впечатляет:

«— Это пошто теперь в окошке Людка голая сидела? — строго спросила она Шулебина.

— Пошто, пошто... — проворчал фотокор. — Жарко ей было.

— Так ведь... Не в своем окошке она голой задницей-то на всю улицу светила, а в завьяловском! Если жарко ей, у себя и сидела бы нагишом, на своем подоконнике... А здесь-то она зачем?

— Ты что, мать? Обход свой не завершила еще? — удивился Шулебин.

— Так, спать иду, — ответила старуха издали. — А под окном задержалась, потому что понять не могла. ...В гости что ли к Завьяловым пришла?.. А зачем в гостях так раздеваться? И на окошке сидеть в гостях — зачем? Жену редакторскую в родильное отделение увезли. Дней десять пролежит».

И от мелочей — сущее — суть упырей раскрывается голосом Анны:

«— Долго стоит в этом году тепло! — кричала она (Блудница. — А. Ф.) откуда-то сквозь музыку. — Удивительно долго! Как никогда!.. А я вот думаю, отчего моя бабушка повесилась? ...И я уродилась в нее. Думаю — и боюсь: а вдруг и я повешусь?.. Нет, почему она повесилась? Как вы думаете?

Жена редактора отвечала ей издали:

— Кто же это может знать, почему?

— Да потому, что такая же блудня она была, как и ты, Людка! — ответила ей с улицы проходившая мимо открытых окон Великая Анна. — Это на старости лет ей без блуда скучно стало. И жизнь ей сделалась не в жизнь... Кто может знать? Так все и знают кругом, почему.

Она что-то еще бормотала себе под нос, высооченная худая старуха, вышагивая по осенней солнечной улице».

Эти голоса, почти в самом начале повести, в обыденной теме намечают трагичную сюжетную линию. И не одну. Здесь кощунство в дни похорон. Здесь бесприютность, на которую Завьялов (вдохновляемый Блудницей) обрекает жену, Евдокию.

Анна теряет в расцвете лет сына — истинного Творца, фотохудожника, которому газетная поденка не мешает возвышать души (Не будем хоть как-то уподоблять Великую Анну Божией Матери: душа читателю само подскажет...). В смерти великого по-своему сына Великой Анны нечто страдальческое, и далекий отзвук давнего мученичества в его похоронах, кощунственно задержанных, на которые не пожелали «отвлечься» редакционные «бонзы» и их присные. Его не стало, тело надлежит предать земле — а банда Блудницы пляшет, веселится, и чуть не вся редакция радуется празднику (хотя дни назад фотокор был ценим всеми) — не до похорон им!.. Величие матери — не просить у них ни грана поддержки. Молчание Великой Анны оказывается великим голосом.

Тогда все кладбищенские хлопоты взяли на себя лишь два человека — Отто и Цицера. Прихватив лопаты и лом, они долбили землю вместе, обустривая последний приют фотокора, без похоронщиков, загулявших надолго. А Блуднице плюю в глаза — только рада экономии («лишней траты средств мы избежали»). И глубинно главное здесь — ее самооценка: «Я гадина? Гадина...»

ЯРМАРКА УПЫРЕЙ И ГОЛОСА СПАСЕНИЯ

...Ну и выдумщица эта Людка, сгусток зла:

«— А еще попробуем выстроить такую вот схему с квартирами. Они находятся в собственности

редакции. Смотри, как я придумала. Если старуха освободит квартиру, мы сможем сдать эту площадь под склад привозных семян, в аренду. Нам пойдут деньги.

— И это — после похорон сына? — не понимал Завьялов. — Бедная Анна... Я подумаю... А сколько лет Анне Великой? Небось, уж того, пора... Ждать-то не долго».

И каскад паскудства Людка убедительно развивает: «Пусть просит! Нас — просит! Она походит, а мы посмотрим на нее. Разок, другой... Вот тогда-то ее хватит ненадолго...»

Не на одну Великую Анну нацелились упыри, рассчитывая притом и на «своих» судей и прочие силы:

«И этот жалобщик Лукич. Районный агроном. Хоть бы пристукнул кто-нибудь его, краснопузого... Есть у меня в органах пара знакомых ребят. Я у них интервью брала. Один вообще — с хорошими кулаками. Ему-то можно кое-что поручить... Конечно, я коплю доносы на Лукича. Но мало их! ...»

— А предложи-ка ты Лукичу выступить со своей статьей в нашей газете. Да и править его статью перед печатью будешь ты, сама. А потом дадим на первую полосу твои доносы.

—... И твоему Келлеру пора на пенсию, тоже ведомственную площадь занимает. Пусть и он пошелится... Кое-какие бумаги я уже подготовила. Наш судья быстро докажет им, что все они — только арендаторы».

Деловые планы плавно намечают истребление семьи — такова уж «органика героев». Вот в чем Блудница убеждает Завьялова:

«...И ты сделаешься владельцем большого особняка! Из трех комнат, двух больших прихожих и длинного бестолкового коридора, который тоже пойдет в перепланировку».

А ему лишь дай порвать, воля упырихи вроде торжествует — и вот уже изгнание жены с детсадовским

малышом и новорожденным, зимой, когда ремонт вообще редкость:

«— Рабочие делают ремонт. Пыльно будет. Уехала бы ты пока с детьми к родителям.

— Я не могу, — растерялась Жена. — Ты знаешь! Отец не перенесет...

— Чего не перенесет? — отворачивался Завьялов.

— Моей беды! Он верит, что вырастил меня для счастья... А новой жене его я зачем? И мои дети ей ни к чему... Погодили бы вы до весны! — попросила Жена. — Не долбили пока...»

Совсем недавно Евдокия чуть не умерла после родов, а муж (прямо при сынишке-детсадовце блудивший с Людкой) не шевельнул пальцем даже чтоб найти врача. (Это сделали другие). Выжила и она, и дети. А зло, воплощенное в упырях, не угомонится само. Его могут остановить только такие силы, как у Анны.

«— Вон Анна Великая к нам в гости идет! — сказал Мальчик обрадовавшись. — Она уже скоро будет около тополя!

И Завьялов поспешил к двери.

Но старуха, прижимая к себе четыре полена, вошла не одна, а с шофером Отто Келлером. ...

— Здесь люди мерзнут, а когда тепло дадут, неизвестно. У нее (Евдокии. — А. Ф.) вчера еще температура больше сорока была. Вон, градусник на тумбочке валяется! И уголь с дровами нужен, и врач.

Старуха вздохнула, выключив конфорку.

— А твоему папе... — сказала она Мальчику, опечалившись, — а твоему папе я оторву башку. И выкину ее собакам.

— Когда? — с надеждой спросил Мальчик.

Старуха загрустила еще больше — оттого, что желанье ее было невыполнимым:

— Не знаю...

— Ты пошутила? — усомнился Мальчик».

Реально спасти надо многих и от многого. Но самые беззащитные — Евдокия и дети.

ВОЛОГОДСКИЙ ИСХОД

И вот они ...в вологодском крае, с Анной.

Шаги сюжета скрадываются — так нередко у великих мастеров, без топтания, без наползания эпизода на эпизод. (Можно бы сказать — пунктир пути... но все же пунктир — не о Галактионовой).

Итак, Анна органично Велика: для людского населения кулундинского поселка и вологодского села. Даже нелюди вынуждены с ней считаться. И не выживают ее из привычного места, а она возвращается к отчему краю. И отъезд этот так же органично стал выходом для Евдокии с детьми.

Великой Анне созвучны голоса в краю ее детства — так светло оборачивается мотив вологодского Первородства: «Местный рыбак, вычерпывавший воду из лодки большой консервной банкой, бросил ее и подошел к приехавшим. Много поживший мужик оглядывал их без спешки.

— Вы это, что ли, попова дочка? — спросил он старуху. — Я сразу понял про вас! По росту вашему признал: дочка, думаю... Поп-то наш, когда освободился, вот так же тут стоял, высоченный старик бородатый. Глядел тоже после лагерей. На озеро, на небо... Или перед храмом своим — возле сторожки церковной, застынет, как вкопанный, ой — надолго, а близко к нему не подходит. Служить ему там, как отсидел, больше не позволялось, в храме своем. Запрещено было!.. Он, такой высокий народ — в лагерях раньше всех погибал! — сообщил рыбак, поглядывая в сторону черного леса. — ...А выжил наш поп! Редкий случай... Ночевать-то вам есть где?

— Есть, — ответила старуха. — Мы дома тут. Вернулись...»

И спасительно истинное тепло в этих вологодских голосах:

«...Местные люди заглядывали в сторожку и приносили то старое, но крепкое одеяло, то миску, то сковороду, то цинковое ведро, необходимое в хозяйстве...

– Продавать молоко вам не буду. Самим мало, – сказала пожилая дочка рыбака, провожая их до калитки. – А пол-литровую банку детишкам наливать стану раз в день, без платы. По утрам забирайте. Утрешник...»

Евдокию берут уборщицей в магазине, с ежедневной оплатой (Это – форма избавления от упырей, оставшихся далеко благодаря Анне). А малыши?

«– За детьми сама догляжу, – сказала Великая Анна строгим голосом, словно и не спала только что».

Здесь впервые старший сын Евдокии попадает в пространство церковное, и оттого голоса собеседников звучат особо:

«Мальчик меж тем оделся, обул сапоги и уже стоял с куском фанеры в руках.

– Богу пойду помогать, – сказал он.

– Что ж, иди, – помедлив, согласилась старуха. – И мне встать придется! Щас я, щас...».

Этот открытый финал, с итоговым «щас..» – закономерен.

Ведь есть допуск: прихворнувшая Анна встанет потому, что у нее силы все же прибывают. От святой помощи другим. Таким, как Мальчик. И, может, главное – показать: под голос таких, как Великая Анна, человеком вырастет даже тот, кто родился от упыря Завьялова.

...Имя повести «Зона ветров» напоминает заглавие «От четырех ветров приди» – так именован второй том культового трехтомника В. Г. Галактионовой. И конечно, напоминает пророчество: «Сказал Господь: «От четырех ветров приди, дух, и дохни на

этих убитых и они оживут (Иезекииля 37:9)».

Каждый новый литературный шаг Веры Галактионовой оказывается пророческим – и необходимым звеном литературного процесса.

Тут главным видится духовное мужество как высочайшее мастерство пера Женщины. Когда Захар Прилепин уверяет: мол, нет в русской прозе (в отличие от поэзии) великих мастеров прекрасного пола – правда в том уверенье лишь одна: так писатель-патриот ставит на место псевдоженскую стаю «квазиновой мнимолитературы». В ней вместо духовных исканий – улично-блатные понятия, в ней камни бросают, не собирая, и царят ложные (драгоценности, и тускло мерцают-мигают всевозможные поддельные топазы, фальшивые рубины, разноименные, разноплеменные; здесь нет русского, все в лучшем-худшем смысле – русскоязычное. Или, как в диалоге с Анной выразился Монах, «среди новых русских нет русских. Там национальность – деньги».

Но прав Прилепин, нет ли, вне его построений спасительно живы голоса героинь Веры Галактионовой, таких как Великая Анна.

И весь путь Писателя неизъяснимо прекрасен – в том числе потому, что мужественнее многих свершений лиц мужеска пола. ■